

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Галина
Уланова:

“Откуда ни целюсь, “попадаю” в Сталина”

ГАЛИНУ Уланову называют богиней, великой артисткой, самой загадочной балериной века. В январе Галине Сергеевне исполнилось бы 90 лет. Двух лет не дожила она до этой даты. В последние годы жизни Уланова часто приезжала в Петербург. Приходила в свою родную школу - Академию русского балета имени А.Я. Вагановой, репетировала в Мариинском театре с молодыми балеринами. По ходу дела она иногда говорила о себе. Некоторые высказывания Галины Сергеевны удалось записать. Порой они отрывочны, незаконченны, но, думается, любое слово Улановой достойно интереса.

“Я из другого века, - говорила Галина Сергеевна Уланова. - Родилась в царское время. В революцию мне было семь лет...”

Я не хотела уходить из Кировского театра. Но после Декады ленинградского искусства в Москве пришел приказ: восемь человек должны перейти в Большой театр. В их числе была и я с Константином Сергеевым. Сергеев поставил условие, чтобы взяли и его жену Фею Балабину, но столичные чиновники не захотели. Так Сергееву посчастливилось остаться в Ленинграде. Если бы я не согласилась перейти в Большой театр? Могла бы оказаться в другом “театре”...

Я в Москве прожила полвека, но так и не привыкла. В Петербурге даже воздух другой...

У Вагановой я училась два последних года, а до этого с первого класса - у мамы, Марии Федоровны Романовой. Мама сразу сказала, что не будет выделять меня среди остальных девочек, а потому не станет делать мне замечаний: “Слушай, что я говорю другим, и знай - это относится и к тебе”. И я с детства привыкла работать сама. Мама многому меня научила, но актерского мастерства для больших партий дать не могла - она не исполняла глав-

ных ролей. Зато показала пример отношения к делу. Помню, мама ходит по квартире со шваброй и держит ее как царский жезл. Это она репетировала Фею Сирени из “Спящей красавицы”.

Я закрывалась в своей комнате и пробовала, искала краски к портретам моих героинь. Тогда самостоятельность была нормой. Сейчас же молодые артисты считают, что им все должен показать педагог-репетитор. Я иногда спрашиваю: “А как ты сама думаешь, что нужно сделать?!” А в ответ слышу: “Не знаю... Как скажете...” Не хотят думать. В результате - индивидуальностей на сцене мало.

Я никогда не изображала своих героинь. Мне нужно было представить их изнутри, начать жить их жизнью. Перед “Жизелью” я выходила на пустую сцену, смотрела на куст сирени возле домика, на цветы - я всегда просила, чтобы были цветы - ведь Жизель живет в деревне. Так я находила настроение. Я никогда не смотрела в зал. Я должна была танцевать одна. Только так я могла передать другим свои чувства.

У нас условное искусство, но его нужно сделать живым. Драмбалет научил нас понимать то, что мы

изображаем. Я училась этому у Елизаветы Ивановны Тиме и Сергея Радлова. Когда ставили “Бахчисарайский фонтан”, в первом, польском, акте гости на балу танцевали полонез. Жених Марии играл на лютне, а она танцевала вариацию. С одной стороны, это было хорошо, потому что связывало со сценой в гареме, где Мария брала лютню и вспоминала отчий дом. Но, с другой стороны, вариация была скучной. Тиме мне сказала: “Очень мило, Галя, но вы такая русская”. - “Так я и есть русская”. - “Но ваша героиня - полька!” На другой день мы со Славой Захаровым пошли к композитору Асафьеву. Он написал мазурку - и я стала полькой...

Однажды я и Константин Сергеев танцевали на правительственном концерте дуэт Дианы и Актеона. В руках у Дианы лук, из которого она все время целится. Я прицелилась и вдруг вижу перед собой лицо Сталина. Он в ложе у сцены сидел. А у меня все позы в его сторону. Остановиться невозможно: откуда ни целюсь, все время “попадаю” в Хозяина. Это было сумасшествие...

Как-то перед войной меня и Сергеева вызвали в Москву танцевать “Жизель” для Риббентропа. На другое утро в номер стучат. Открываю. Стоит дама с огромным букетом роз и запиской от Риббентропа. Ну, думаю, сейчас меня посадят. Побежала к Сергееву. Он только и сказал “ох”...

Сергеев... Я привыкла к его рукам, глазам. Первые годы в Москве я мучилась без него. Он мне говорил потом: “У вас, Галя, было много Ромео, а для меня вы навсегда

В день
спектакля
Галина Уланова
любила пойти
в Александровский
сад. Сидела
на скамейке,
штопала
туфли...

остались моей единственной Джульеттой...”

В день спектакля я не занималась в классе. Когда жила в Ленинграде, любила пойти с утра в Александровский сад. Сидела на скамейке, штопала туфли, потом возвращалась домой, немного отдыхала, ела винегрет и шла в театр.

Дневника не вела. Свои спектакли записывала в ученическую тетрадь. В ней осталось много чистых листов...

Я ничего плохого не хочу сказать о Москве, но разница между Москвой и Петербургом колоссальная. В Петербурге чудесная - лучшая - школа, замечательные педагоги, традиции. У меня уже нет сил переехать обратно из Москвы, но мой дом -

здесь. Здесь могилы моих родителей - на Смоленской дорожке Большеохтинского кладбища. Когда я выхожу из поезда на петербургский перрон, я успокаиваюсь. Иду по Невскому и чувствую, что счастлива. Здесь люди другие; и дома, и вода, и воздух - все другое...”

Говорят, Галина Сергеевна выражала желание быть похороненной в петербургской земле, рядом с родителями. Но великие себе не принадлежат. Свой последний покой балерина нашла на московском Новодевичьем кладбище.

Лариса АБЫЗОВА

● Галина Уланова среди молодых балерин - Дианы Вишневой, Майи Думченко, Ульяны Лопаткиной и Анастасии Волочковой.